

Виктор Рассохин
Сергей Рассохин

ШАПКА МОНОМАХА

Поэма

•

Российская Федерация
Орёл, 2011

ББК 63.3(2)64

Р-24

Виктор Рассохин, Сергей Рассохин
Р-24 Шапка Мономаха. Поэма. 2-е издание
по просьбам читателей России и стран
СНГ. — Орёл, 2011. — 32 с., ил.



Витязь на распутье

В.М. Васнецов

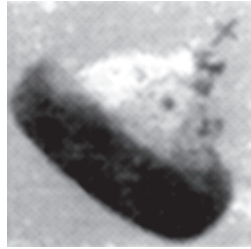
ИЗ БЕЗВРЕМЕНЬЯ — ВО ВРЕМЯ

*В который раз народ распят,
И кто спасёт нас от обмана?!
Кто он, грядущий наш собрат,
С причёскою «а ля Сократ»,
Или с прищуром Чингисхана?*

ISBN

© В.В. Рассохин, 2011

© В.В. Рассохин, 2011



ШАПКА МОНОМАХА

*

Поэма

*В Мономахове шапце 2 ф. 30 зол.
без соболя*

В. Даль

Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!

А. Пушкин





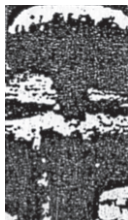
Бой Добрыни
Никитича со
Змеем Горынычем
В.М. Васнецов

СОВРЕМЕННОКАМ

Горынычи бывают всякие:
Внутри страны и за границей —
Десятилицые, двоякие —
Их бейте правою десницей!

Силён, конечно, храбрый витязь,
Но и ему нужна подмога.
И, если дьявол топчет Бога,
Вы, ради Бога, распрямитесь!

С врагами Русь одна не справится,
Вступайте в битву с чёрной нечистью!
И может стать Земля — Красавицей,
А не позором человечества.



В палате Оружейной — шёпот, спор
У символов владычества и страха.
Одних — привлёк по золоту узор,
Другие — бриллиантам дарят взор,
Сергей Ручьёв — не слышит разговор,
Его волнует ШАПКА МОНОМАХА.

Мечи и сабли, копы и щиты
Остались где-то в детстве, на картинках.
А Шапка — в повседневье суеты
Нет-нет, да и всплывёт из темноты,
Заставив вновь пикеты и посты
Пересмотреть в дворцовых поединках.

И вот Она сверкает под стеклом,
Льют радугу камня-самоцветы,
Всходившие когда-то над челом,
Над низеньким и над высоким лбом,
Чьи кости нынче в камне гробовом...
Да, Шапка помнит внешние приметы.

Ей, может, абсолютно всё равно:
Глядят ли на Неё подобострастно,
Провидца украшать или бревно,
Когда оно на трон возведено...
И всё-таки под Шапкою темно,
Хотя вокруг от излученья ясно.

Проходят мимо немец и монгол,
Поодаль чуть остановились шведы.
И разговор заманчивый пошёл
Про затяжной романовский престол,
Как будто бы один его орёл
Когтил, клевал, крылом добычу мёл
И клёкотом приветствовал победы.

А что же в душах недругов бывших?
Невольно мысль, как туча, набежала.
Кольнула ль память болью сердце их
За рваный шёлк штандартов боевых,
За кости павших прадедов своих,
С клинками залетавших на орало.

А может, просто вспомнили свой край,
Своих вождей и атрибуты власти.
Ведь, в сущности, хоть мехом подбивай,
Хоть золотом узоры вышивай,
Хоть лунной пылью Шапку обсыпай —
Не любит власть делить себя на части.

Первый посетитель

— Устал смотреть. В глазах моих рябит.
Я с малых лет под Шапкой пребываю,
Хотя и по характеру — гранит,
Ремёслами своими знаменит,
И, как всегда, в обрез бываю сыт,
Но книги просветителей читаю.

Советуюсь, поскольку опыт мал,
И счастлив тот, кто начал день до солнца.
Давно я молот Истине сковал,
Под многими разрушил пьедестал,
Зло разрушать не раз ещё придётся.

Неласковый характер у меня,
Но оттого не выгляжу печальней.
И жить хочу в сообществе огня,
Окалину и пепел не кляня,
Единственную заповедь храня:
Расплющить Ложь на жаркой наковальне!

Второй посетитель

Молчит в сторонке. Ухом не ведёт.
Рассматривает чудные камни:
— А я в земле копаюсь, славно крот,
Обвит, как воз, верёвками забот.
При всём при этом — в меру жну почёт,
Лишь не хватает ордена Терпенья.

С годами я к наградам поостыл,
Мозоли — это наши бриллианты.
По ним узнаешь, сколь потратил сил,
Когда сажал, когда хлеба косил,
Когда избу наследникам срубил,
Мы, как-никак, свои имеем планты.

Красива Шапка! Очень красива!
Увидела б Её моя старуха...
Стояла б ни жива и ни мертва
И долго удивлялась бы сперва:
— Ужели есть по Шапке — Голова?!
Смеясь овчине мужнего треуха.

А что треух? В треухе — хоть куда,
И в морось, и в морозы, и в метели.
Его и в ноги бросить не беда
При переплясе огненном, когда
На всех полях закончена страда...
А Эту брось! При мысли — холод в теле.

Третий посетитель

— Я вас невольно слушала сейчас,
Сказала дама в бежевом костюме.
Вы — бунтари. Сидит крамола в вас.
Что в бровь-то бьёте, если надо — в глаз?
Но хлеба вечно нету про запас,
И есть ли прок в незрелом вашем шуме?

Под Шапкой я сама изнемогла,
Она меня давно приворожила.
Ах, если б я практичная была!
Один совет в дорогу б вам дала:
Не пожелайте всякой власти зла,
И в хилой власти — не скудеет сила.

Я пробовала некогда стрелять,
Я пробовала мыслить планетарно.
Мне приходилось в тюрьмах голодать,
Культуру вместо тюрем насаждать,
То прибывать, то снова убывать,
Но всё-таки судьбе я благодарна.

О нет! Не равнодушна я к бунтам,
Порою скрипку первую играю.
И бой даю коронам и орлам,
Нередко возражаю божествам,
Чтоб не царил между людьми бедлам —
Свободы им и Равенства желаю.

Четвёртый посетитель

До зрелых лет я видел сей убор
То в книгах, то на красочных открытках.
Здесь камушки, конечно, на подбор.
Ну, мех есть мех, лиса ли там, бобёр...
И что Его разглядывать в упор:
Как все шапчонки — держится на нитках.

Монолог креста

Не первый век над Шапкой я стою,
На восьмиклинье золотых пластинок.
Опору твёрдо чувствую свою
И в людях как-то сразу узнаю,
Принявших сердцем истину мою
И жаждущих пойти на поединок.

Я вижу всё: какая в ком душа,
Открытая иль за семью замками.
Один — проходит мимо не спеша,
Другой — осмотрит Шапку, не дыша,
А третьи — пробегают мельтеша, —
Кляня весь двор запретными словами.

Примерить Шапку норовит не всяк,
Но мысленно примеривает всякий.
Один — в ней видит собственный кулак,
Другой — сигнал для будущих атак,
А третьи — зрят Судьбы счастливый знак,
Но в общем — каждый метит в Мономахи.

О, Шапка, Шапка! Поле битв ума,
Свидетельница тронных куролесиц.
Ужели ты не чувствуешь сама,
Что за тебя голов слетела тьма...
И есть ли на Земле ещё Чалма
И чем над ней встревожен Полумесец?!

Такой же, ожемчуженный, как я,
Эмблема столь же мудрого Востока:
Из века в век — копьё против копья,
Отточенные злобой бытия.
Как жаждут крови эти остря —
Воды, что ль, не хватает для Пророка?!

По Сеньке шапка — ёмкие слова,
Чалма по Абдулле — одно и то же.
Когда на царство лезет голова,
Когда на шахство прётся голова,
Мой боже, ущеми её права —
Всё остальное сделают вельможи.

Монолог арабского цветка

Я ниже лучезарного Креста,
Зовусь ещё по-ласковому — лотос.
Припаян крепко к золоту листа,
Уже оглох от слова «красота»,
Увядшим стал при выдохе: «Мечта!»,
Но кто услышит собственный мой голос?

Для глаз чужих — я солнечен всегда,
Цвету, корней как будто не имею.
Их просто не увидеть никогда,
В крови они... Мне грезится вода,
А разве мне не хочется туда?
О как бы распластался я над нею!

Мой мастер предо мною — как вчера,
Дыханье его чувствую и руки.
И, зная, как борьба за власть остра,
Он отдавал мне дни и вечера,
Чтоб я светился символом Добра
И чем-то облегчал людские муки.

И если кто забылся у меня,
И если кто с собой унёс мой образ,
Из тьмы веков спешил к нему мой возглас!
И я цвету, не жалуясь на возраст,
Упавшим духом придавая бодрость,
Больших и малых деспотов кланя.

Монологи драгоценных камней**Сапфир**

Я так похож на крупную слезу.
Слеза бежит, а я застыл в оправе:
Не отразить внезапную грозу,
Безоблачного неба бирюзу,
Ни жизни той, что буйствует внизу,
Поскольку я причастен к царской славе.

А слава что для камня? Пустота!
Меня одно до глубины тревожит:
Когда добыта силой красота,
Когда слезой омыта красота,
Когда гнетёт кого-то красота
— То красотою быть она не может.

Рубин

Я — капля крови, пролитой в веках.
Та кровь лилась ручьями и потоком
На плахах, в рудниках, на Соловках,
По тюрьмам, в крепостях, на кораблях,
В селеньях, на дворцовых площадях —
И бунтовала перед царским Оком.

Но государей — кровь не удивит,
Они знакомы с кровью по бумаге.
История — на кровушке стоит,
И пусть учтёт порхающий пиит,
Что оды оным под ноги строчит:
Мой красный цвет замешан на отваге.

Изумруд

Зелёные надежды... Я хочу
Прийти сегодня к некому итогу:
Мильоны вас — достались палачу,
Служители — вам ставили свечу,
Лишь редкие, подобные лучу,
Заблудших выводили на дорогу.

Не сдержит вас смертельная бразда!
Надежды, ненавдя мрак запрета,
Встают над подневольностью труда,
Над вечной «невиновностью» суда,
И крылья ваши просятся всегда
Не на закат, а в сторону рассвета.

Монолог соболя

А я сбегу в окрестные леса,
Я никогда не видел Подмосковья.
Заказана нам эта полоса,
Здесь испокон лукавствует лиса,
Но не редуют птичьи голоса —
Умело контролирует гнездовья.

Так хочется себя мне разогреть,
За сотни лет кровяца застоялась.
Кольцом лежал, уж лучше околеть,
Чем около брильянтов замереть
И безучастно в публику глядеть,
Которая пред Шапкой изгибалась.

О как бы я вспылел сейчас снега,
Вдохнул бы хвоей утреннего леса!
Печаль не в том, что далёко тайга,
А в том, что согреваю жемчуга,
Чья жизнь и без собольей дорога
И в каждом будит вспышку интереса.

Я видел любопытнейших людей,
Все шапки перед Шапкой замирали:
Треухи волчьи, лисьи, из хорька,
Из выдры, горноста, колонка...
Что заячьи? Бобры! И за века —
Какие шапки только не мелькали!

И пыжились, глазели свысока,
Но, видя надо мной зарю камней,
В единый миг лишались языка,
Вперялись взгляды в своды потолка,
И мысль была пришибленно-мелка
У подданных в минуты прохожденья.

Хотя бывали крепкие умы,
Во лбу семь пядей, даже и поболее.
И видели они сгущенье тьмы,
Но кто хотел сумы или тюрьмы,
Жарыни лета, холода зимы,
И прочих видов гербовой неволи?

Не лучше ль улыбнуться лишний раз,
Себе приятно и особе мило.
На преданность давно намётан глаз!
Глядь — шуба с плеч иль свеженький указ,
И пусть в те годы не было лампас,
Но форма многим головы кружила.

А к ней в придачу тысяча дворов,
Дела идут фанфаристо и гибко:
Заметен в свите, баловень балов,
На грудь взлетает стая орденов,
В любой момент монарх принять готов,
Коль вовремя подарена улыбка.

Я позабыл свою соболью речь,
Но всё ж кляню людское унижение,
Того, кто обнажить боится меч,
Когда костыми за правду надо лечь,
Того, кто хочет выгоду извлечь
Из родника чьего-то вдохновения.

Покуда бьёт сознание рабья дрожь,
Не станет человек — человеком.
Дрожа, конечно, дольше проживёшь,
С прямой дороги — тыщу раз свернёшь,
Попросят — другу горло перервёшь,
Не всё ль равно насытиться чьим веком?

Заесть его, зашамкать, зажевать,
Чужой-то век не мёд, но всё же сладок...
Земляне! Разучитесь угождать,
Наушничать, внезапно нападать,
Клянусь вам мехом: хлынет благодать!
А кто на благодать у нас не падок?

В леса, в леса, в леса хочу уйти,
Из-под стекла от взглядов восхищённых.
Я не хочу быть в царственной чести,
В соболий род лежат мои пути,
Скорей туда бы лапы унести,
Где в ясный день, как в сумерках зелёных,

Родная глушь, треск тонкого сучка,
Хвоинки на быстринке родниковой,
Орех кедровый, свист бурундука,
Замятый утром рябчик у пенька,
Ещё горячий, начатый с бочка,
И всё это при свежести сосновой.

И пусть охотник выследит меня,
И пуля пусть прошьёт меня навывлет,
Пусть голову расплющит западня,
Охотник прав... И, труд его цена,
К добыче вдруг потянется родня,
И кто-нибудь к пальто меня пришил.

Пришѣтъ, какъ говорится, навсегда.
Но это лучше, чемъ страдать въ музеѣ.
Я буду знать, что грею въ холода,
Что ветеръ мехъ взѣрошитъ иногда,
Иль онъ блеснѣтъ на солнцѣ, какъ слюда,
А выпадетъ — почую, что старею.

В леса хочу, в леса через стекло,
Чтоб за века — на сердце отлегло!

Монолог Шапки

Народ уходит. Головы болят
От дорогих и редких экспонатов.
Зовёт Москва — кого в Калашный ряд,
Тем — зрелищ дай, другим —
Нескучный сад,
А те, кто здесь впервые, норовят
Слух усладить мелодией курантов.

И вот мы, добрый молодец, одни.
Позволь мне в тихий час тебе открыться:
Не тяжела я, слово помяни,
Трёх фунтов нет, не веришь — подними,
И не рублями суть мою цени,
А как мой вес на голову ложится.

На темя ли приходится, на лоб,
Иль набекрень, иль просто на затылок.
Есть люди — дышат властущкой взхлёб,
Другие — с ней ложатся раньше в гроб,
А третьи — на неё зовут потоп,
Боясь своих же собственных ошибок.

О льстивейшие тронные реча!
С методой повсеместного внушенья.

За вязью слов — улыбка палача,
За вязью слов — блеск лезвия меча,
За вязью слов — противнику свеча,
Потом обеда — символ всепрощенья.

Фазаны, осетрина, виноград,
Икорка, куропатки, поросёнок.
Вино всех марок, словно на парад,
Посмотришь — этикеткам будешь рад.
Но это лишь заметит рабский взгляд —
За яствами и старый, как ребёнок.

Для них ведут охоту круглый год
Все егеря и прочая прислуга,
Как будто неизбывен перелёт,
Как будто постоянен икромёт,
Как будто бы их благородней рот,
Хотя кусают намертво друг друга.

В душе, конечно. Внешне — благодать.
Хозяева и гости понимают,
Что надо роли искренне сыграть:
Смеяться, улыбаться, руки жать,
На танец жён взаимно приглашать,
И не дай бог, коль жёны заскучают!

Тогда держись, почтенные мужи.
Обида будет высказана смело.
Ушатов нет, там льют духами лжи,
Они сильнее парижских и свежи.
Но так свежи, что сразу в гроб клади
Бездушное откормленное тело.

Мне памятны столь частые пиры,
И драчки, и убийства, и альковы.
В тенётах государственной игры
Блистают гениальностью воры,

Их стража остро точит топоры —
Монархи вечно к истине суровы.

Ещё суровой — толпы монаршат:
Застенки отшлифованы до глянца.
Там до суда — убить быстрее спешат,
Помилованных — вовремя казнят,
Награды снимут — снова возвратят,
И мёртвого — заставят улыбаться.

Смотрю спокойно — кто меня поймёт?
Кому в глаза с укором не глядела?
Един на свете над холопом гнёт,
Жара ли душит, вьюга ли метёт,
И каждый венценосец сознаёт,
Что он рождён — для праведного дела.

Всё остальное — глина и песок,
Что захочу, то и леплю, как знаю...
Так думают калифы на часок,
Правители, каким не мерян срок,
Тиранствуют и жмут из глины сок,
Живут в раю и не стремятся к раю.

Он здесь у них — на горестной Земле,
От пота и от крови почерневшей.
Им невдомёк и думать о тепле,
Кому нужны морщины на челе,
Чтоб хлеб лежал всё время на столе
За тяжкий труд у черни непрозревшей.

Кончаю откровенный разговор,
Мне думалось, что я глухонемая.
Не страшен мне палаческий топор,
Что из покоев — вынесла я сор.
Не век, не два идёт по свету спор:
А, может быть, и вправду тяжела я?

Ответь мне, неизвестный человек,
Мне всё равно, холоп ли ты, боярин:
Чем мучает тебя идущий век,
Чем радует тебя спешащий век,
И чем увлѣк тебя летящий век,
И чем ему ты сердцем благодарен?

Монолог Ручьѳва

Тебе видней — ты здравствуешь века.
А мне отрезок века предназначен.
Отрезок века — жизнь невелика,
Едва лишь мать отнимет от соска,
Потопчешься, походишь... и — тоска,
А за тоской — родня зайдѣтся в плаче.

Что мучает? Обилие смертей.
На кладбища — накатанная трасса.
Отцов теряем рано, матерей,
Товарищей по жизни и друзей,
Любимых и возлюбленных, детей...
И сам в плену у рокового часа.

Ускорил нашу смерть автомобиль,
Ускорила красавица-ракета,
Ускорила урановая пыль,
Гросс-шпионаж, трагичный Чернобыль,
Морей, залитых нефтью, сотни миль
С болезнями без ясного ответа.

О войнах я не стал бы говорить:
Их заклеямили все народы мира.
Но Мир не хочет к людям приходить,
Бродягою всемирным хочет быть,
Покуда не научатся любить
Вселенную, а не галун мундира.

Восток уже горел со всех сторон,
Что в Азии — не понаслышке знаем.
И Африка — при выборе знамён...
Ещё назвать кровавый бастион?
Желудок у войны ненасыщаем.

Не оттого ли, тишь когда звенит
На озере, в лесу или в квартире,
Я вижу, как (нацелены в зенит
Свои ракеты, те — что ставит Смит,
И вижу пирамиду, где стоит
Мой автомат ЛН 704.

Не выбить этот номер, не стереть,
У Смита автомат такой же точно.
Мы можем ими мастерски владеть,
Но, если нас обоих скосит смерть,
Хотелось бы всем флагом прохрипеть:
Нельзя ли их... под стёклышко...
досрочно.

И, чтоб в моей или в его стране,
Распутав все военные секреты,
Другой Сергей, что вырос не при мне,
И Смит другой, что не горел в огне,
Читали б на табличке в тишине:
«ПОСЛЕДНЕЕ ОРУЖИЕ ПЛАНЕТЫ».

И что обидно — в океане лжи
Решаются проблемы компанейски.
Для дум — берут повыше этажи,
К тому же все восточные мужи
Одеться норовят по-европейски.

Учёные — сплошь доктора наук,
Попробуй в них заметить генерала.
Работают не покладая рук,

Замысловато строя виадук,
Чтоб он пролёг не сразу и не вдруг
От лезвия меча и до орала.

От их речей — в загоне благодать.
Над естеством — насилие, как беркут.
Моря привыкли нефтью покрывать,
Свежайший воздух — нефтью вытеснять,
В тупик — народы нефтью загонять,
Не от неё ли судьбы наши меркнут?!

Казалось бы — огонь огню сродни,
И миру в мире — время подоспело.
Зачем же сокращать земные дни,
Ведь не настолько солнечны они,
Чтоб сей прогресс оставил нас в тени,
Забыв, что у людей — душа и тело.

Но кто теперь послушает меня?
Безумцем назовут, врагом прогресса.
Политики накинута, кляня,
Философы окрысятся, браня.
На мой протест, опасным оцени,
Клыки покажет розовая пресса.

— Возможно ли — заводы сокращать?
— Отдать под стадионы — полигоны?
— Уран для нужд страны не добывать?
— Разведчики? Без них не сдобровать!
— И что ж теперь, совсем нам не хворать?
От рака — не спасают миллионы.

...Теперь скажу о радости своей,
Что радует меня, как ясность неба:
Святая многодетность матерей,
Сиянье акушеров и врачей,
Но тают эти чувства у людей,
Как тает запах утреннего хлеба.

Луга, отяжелевшие в росе,
Стада у закувшиненных речонок,
Навек — безаварийное шоссе,
Пчелиный город в лесополосе
И васильки в простой своей красе,
Когда бегут к ним взрослый и ребёнок.

Редеющая цепь очередей,
Оконные смеющиеся стёкла,
Романтика нехоженных путей,
Противоборство полюсных идей,
Неверие в божественность вождей,
В крови чья репутация подмокла.

А как целебен искромётный смех!
С ним и женьшеню спорить неохота.
Он будит чувства добрые у всех,
С ним в зной прохладней и теплее в снег,
С ним кровь играет, просится в разбег,
И крылья вырастают для полёта.

Чем век увлѐк? Вопрос не обойду,
И, в сторону отбросив суматоху,
Скажу, что я на Марс не попаду,
И мне не пригвоздиться на звезду,
Но я причастен к общему труду,
Что старт ускорил в лунную эпоху.

Эпоху межпланетных кораблей,
Особого космического братства...
Средь кратеров и высохших морей
Посланцам будет, может быть, видней
И миллиардам ждущих их людей,
Что от Земли — не стоит отрываться.

Пусть будет Марс, пусть будет энный шар,
Пусть кто-нибудь родится на Венере...
Дерзание — неугасимый дар,
Им окрылён извечно млад и стар,
Но космос, как загадочный нектар,
Ещё пчелой рабочей не проверен.

Тогда дороже станет колосок,
Под нивы — отведутся полигоны.
И каждый стебель, зернь его и сок
Подкормку заполучит точно в срок,
Как получает нынешний стрелок
Бесплодные гранаты и патроны.

Тогда и нефть не выплеснут в моря,
В природе не устроится прополка:
Ты будешь рад икринке пескаря,
В бору услышишь чаще глухаря,
И всякий раз, душе настрой дая,
О прожитом напомнит перепёлка.

Прости мне, Шапка: тайны не таю,
Что я не мог короче и потише.
Я сам — Ручьёв и за ручьи стою,
Чтоб никогда фамилию мою
Не только здесь, в заоблачном краю —
Не посчитали умершей и бывшей.

Монолог зрителя

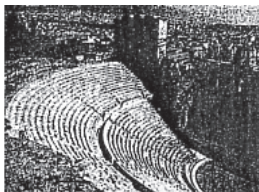
Ну что, сынок? Пора идти домой.
Отведал, говоришь, духовной пищи?
Вещам — он тоже следует покой.
За десять лет я стал им не чужой.
Меня зовут соседи Калитой,
Хотя тот князь передо мною — нищий.

Куда ни глянь — бесценный капитал,
Тут столь бывает люда от науки...
А я скажу про Шапкоарсенал,
В каких бы кто парчах ни щеголял,
Оружием каким бы ни сверкал —
Все редкости в мои приходят руки.

Что было и что будет впереди,
Пускай осмыслит нынешнее племя.
Наскоком лучше к нам не приходи,
Товарищей с понятием води,
Зри в корень! И на память затверди:
Здесь что ни вещь — работает на Время.

...Как не принять отеческий совет?!
Сергей шатал и думал о совете...
Москва вбирала предвечерний свет,
Устав от двух ответов «ДА» и «НЕТ»,
От суеты, бензина, сигарет —
Как всякая столица на планете.





ЗА ИСТИНОЙ

Простые люди — выше власти.
И самый высший — их закон.
И, словно за зарницей счастья,
Идём к ним снова на поклон.

А власть — прекрасная зараза,
Она ущербна испокон.
У ней всегда — дитя без глаза,
А старец — выжат, как лимон.

Хотя и ей бывает тяжело
От революций и утрат.
Но через кровь ползёт, бедняжка,
Из аппарата — в аппарат.



Власов

Рассвет



*У памятника
репрессированным.
Одно из скорбных
мест на Орловщине*



*Книги
подарены
ветеранам.
Так
держать!*

**Виктор Васильевич Рассохин
Сергей Викторович Рассохин**

ШАПКА МОНОМАХА

Поэма

2-е издание

по просьбам читателей России и стран СНГ

Подписано в печать .2011. Формат 70х90¹/₃₂.
Бумага офсетная. Усл. п. л. 1,17.
Тираж экз. Заказ №
Цена договорная
Отпечатано с готового оригинал-макета